

Я довольно хорошо ее оцениваю, так как полагаю, что это женщина за своим столом с несколькими друзьями, для которых она берет на себя задачу быть «вечеринкой за этим столом».

Мы все видели ее в той или иной форме, Та, которая слишком громко смеется над шутками, Она всегда пытается уговорить кого-нибудь из друзей пойти пригласить парня на танец. Она изо всех сил старается «мать» единственную девушку за столом, которая либо только что рассталась, либо разводится, или что бы там ни было. И она обнаруживает, что пьет чуть больше, чем обычно.

И, конечно же, сегодня вечером она действительно взялась за дело, потому что она только что заставила певца взглянуть на нее, и она могла поклясться, что увидела такое же одиночество в его глазах, как она просто знает, что он видел в ее глазах. Она всегда одета по случаю «Girls Night Out», то есть в более короткую юбку, чем она обычно носила, немного густая на макияже, пытаясь быть той женщиной, которой она была 15 или около того лет назад, когда горшок животик дома, который она называет мужем, заставлял ее чувствовать себя красивой и желанной.

У нее больше, чем несколько лишних килограммов, но при этом она не страдает ожирением. Хороший набор груди, как по размеру, так и по упругости (хотя это действительно зависит от того, насколько хорош бюстгальтер или насколько она благословлена матерью-природой). Волосы почти всегда каштановые / коричневые, которые, когда свет попадает на них правильно, испускают легкий красный оттенок.

Обычно ей от 40 до 50 лет, хотя это ни в коем случае не твердый возрастной диапазон, а на самом деле просто больше среднего.

Теперь, когда она знает, что ее заметили, ей просто нужно выйти на танцпол, либо с подругой, либо с одним из множества возбужденных парней, которые хотят переспать. Каждый раз, когда она поворачивается к сцене, она смотрит в мою сторону, чтобы увидеть, наблюдаю ли я за ее движениями, поскольку она изо всех сил пытается быть сексуальной и соблазнительной.

В обычную для меня ночь я бы просто улыбнулся ей и уделил ей достаточно внимания со сцены, чтобы дать ей понять, что ее ценят. Любая беседа между сетями, которой она могла бы заниматься, обычно делается для того, чтобы искренне заставить ее почувствовать себя важной поклонницей группы, не давая ей никакой надежды на то, что вечером может быть более интимное времяпрепровождение.

Как я уже сказал, это будет обычная ночь. Однако именно в эту ночь Демон играет на сцене.

Поэтому сейчас я стараюсь смотреть ей в глаза каждый раз, когда она поворачивается ко мне. Быстрая ухмылка, может быть, время от времени подмигивание, и я почти визуально вижу, как она переходит от спокойной и собранной к горячей и потной. И в качестве дополнительного небольшого невидимого прикосновения к ее разуму, я смотрю ей прямо в глаза, когда в тексте появляется какая-либо романтическая или острая строчка, как если бы я пою ее ей и ПРОСТО для нее.

Теперь очередь басиста исполнить красивую душевную мелодию. Время как нельзя лучше подходит, так как это дает мне возможность сойти со сцены и пообщаться с танцорами, все время играя красивые, но простые аккорды на моей гитаре. Моя леди («жертва» было бы более подходящей) бросила своего партнера по танцам и вернулась на свое место за своим столом. Очевидно, она уже видела, как мы играем, и знает, как я обычно выхожу на танцпол во время

более медленных песен. Я могу только предположить, что она дергается на своем месте, когда я прохожу мимо каждого стола, играю и улыбаюсь, пока не доберусь до ее. Потому что, когда я добираюсь туда, она становится почти неподвижной, глаза сверлятся в мои со страхом и желанием сиять в них.

Другие девушки как бы выкрикивают ей «ох» и «ааа», поскольку для них очевидно, что она одновременно наслаждается и стыдится своего увлечения. После глубокого взгляда я посылаю ей воздушный поцелуй и иду дальше по ряду столов. Я слышу, как ее стол сейчас весь щебечет, как группа старшеклассниц.

Я люблю свою работу.

Я возвращаюсь на сцену сразу по команде, когда мелодия соула заканчивается. Группа немедленно прыгает в "топтанье ног", чтобы закрыть сет. Я стараюсь взглянуть на нее только один раз, пока я молчу и кричу песню до конца. Я говорю толпе, что у нас небольшой перерыв, и прошу дать официанткам чаевые. Я иду к задней двери, оглядываюсь назад, чтобы убедиться, что она наблюдает, затем выхожу, чтобы покурить.

Я должен передать ей это. Она ждет целых три минуты, прежде чем выйти. Ей требуется несколько секунд, чтобы осмотреть несколько пар, которые вышли, чтобы «лучше узнать друг друга», прежде чем она заметит сияние моей сигареты. Я вернулся в гораздо более тусклое освещенное место, сижу за одним из немногих «столиков для пикника», которые есть для ежемесячных ужинов с копчеными ребрышками, которые устраиваются в этом конкретном месте. Она старается, чтобы ее подход выглядел неторопливым и нормальным. Ее нервное лицо и очень заметные дрожащие губы выдают ее, когда она медленно поднимается, чтобы сесть рядом со мной.

Слава богу, в этой старой доброй Флориде в осенне-зимние месяцы действительно холодно по ночам. Это позволяет ей иметь вескую причину, по которой ее твердые соски пытаются продырявить ее бюстгальтер и топ. Я внимательно смотрю на них, чтобы убедиться, что она видит мои глаза. Это очень быстро заставляет ее защищаться. Я почти слышу шестеренки в ее голове, стремительные мысли о том, что «он, должно быть, думает, что я какая-то шлюха, идущая сюда вслед за ним, и мои проклятые соски не помогают ... но мне нравится, что он глядя на них. Боже, он, должно быть, действительно думает, что я шлюха ". Я, конечно, не знал ее мыслей по-настоящему, но с годами у меня появился инстинкт, чтобы хорошо догадаться.

Я решаю проверить это, и ее, просто спрашивая: «Но ты ведь не так ли?»

"Что ... Что?" Она заикается, одновременно выполняя трюк с резким вдохом, что я бы не поверил возможным.

«Слушай, времени мало, мы оба знаем, о чем ты думаешь. Я просто спросил: «Но ты не такой?»
»А теперь ответь мне!»